

EVALUATIVE NATURE OF ANTHROPOCENTRIC PROVERBS WITH HUMAN NAMES

Ra'no Urishevna Madzhidova

Doctor of Philological Sciences,
Professor,
Uzbekistan State University of World Languages,
Tashkent,
Uzbekistan

ABSTRACT

The anthropocentric paradigm allows to investigate the role of human factor in language studies according to the goals of the study. In its turn, this places a human being in the center of linguistic studies. The current article is written within the principles of anthropocentric paradigm in which the linguocultural aspect, that's to say, evaluative and figurative nature of anthropocentric proverbs with human names is analyzed and revealed with the help of examples. The aim of the article is to study the evaluative character of anthropocentric proverbs in Russian and Uzbek. The purpose of the article is achieved by addressing the following tasks such as study of related literature, description of the relationships between language and culture, analysis of evaluative and figurative nature of anthropocentric proverbs in the compared languages, analysis of functions of anthropocentric proverbs with human nominations and analysis of such proverbs' potential to possess both negative and positive qualities and volume of such qualities such as quantity and collectivity principles. In the article, such methods of investigation as linguistic description and classification, linguocultural analysis were used. The results of the study showed that: a) the anthropocentric proverbs can reveal the image of a person, particularly his worldview is disclosed through such proverbs, as a result, values of people can be revealed and at this point, the importance of recognition of cultural codes is emphasized; b) the anthropocentric proverbs have evaluative and figurative nature: they can provide information on the gender, age, social status, mental abilities, character traits, activity, kinship, number of people; c) the anthropocentric proverbs can possess mythological-religious values and these values are reflected when they express common things, prominent personalities, names and surnames; d) the anthropocentric proverbs can function in a certain context, for example, they may have the following functions: displaying psychological state, behavior, actions, heroism, betrayal and others; e) the anthropocentric proverbs reflect some qualities in terms of positive and negative evaluations and they can be studied in terms of quantity and collectivity that they possess in their anthropocentric character.

KEY WORDS: anthropocentric paradigm, anthropocentric proverbs, evaluation, worldview, image of the person, cultural codes, cultural values, linguocultural character, human names.

INTRODUCTION

It should be noted that in world linguistics, nowadays a new paradigm has been emerged as a result of continuous changes in the history of language studies and development of a society. In particular, this scientific paradigm is regarded as an anthropocentric paradigm in which language is studied in connection with other disciplines and in which a human factor plays an important role in language studies. More precisely, the main focus is on the human factor that plays a role in linguistic investigations. Within the framework of this scientific universally recognized model, the following linguistic branches are being investigated: cognitive linguistics (language and cognition), linguoculturology (language and culture),

sociolinguistics (language and society), psycholinguistics (language and psychology), theolinguistics (language and religion) and etc. At this point, it is essential to note that although the relationships between language and culture have been studied in many linguistic researches, they still need constant researches so that new correlations, linguoculturemes, or peculiarities could be revealed. Particularly, proverbs, particularly, anthropocentric proverbs despite a number of monographic studies devoted to the issue in question, are the essential language units which carry cultural-national properties of a nation they belong to. Therefore, in this article the problem is addressed from the anthropocentric viewpoint in order to reveal their linguocultural aspects to a higher extent.

LITERATURE REVIEW

It is essential to deal with cultural codes in revealing the cultural specificity of a language unit, particularly proverbs. Cultural codes are a cultural category, the implementation of which is carried out using a combination of verbal and non-verbal signs and their combinations in cultural texts, determined by the historical and cultural period. The combination of signs and their combinations is characterized by stability of interpretation in the space-time continuum and communicative potential both at the level of personal perception and at the level of socio-cultural practices [7: 161].

It is known that "historical experience selects and preserves in the cultural practice of different generational cohorts only that which allows a given people to adapt to the surrounding world, to survive, to develop. Therefore, at the operational level of sociocultural practice, there are many phenomena coming, acquiring a random or insufficiently stable form. Long-term collective experience, historical memory, creative opportunities allow such stable units to appear in every culture as mental standards, assessment criteria, meaningful schemes that accumulate peculiar clumps of understanding and evaluation of the world, activity standards embodied in technologies and labor standards" [1: 36]. Based on this position, we define the cultural code as a cultural-historical experience of the people folded in symbolic units, designed to facilitate the spiritual and practical development of reality.

The world around is a complex object of knowledge for a person. The individual cannot be understood in the flow, and one of his human life the diversity of reality and work out the best ways to adapt and survive in it. A unique means of transmitting all the achievements in the field of the relationship between man and nature, man and society, as well as self-knowledge is a language that encodes all the necessary information for human life: "Linguistic coding of cultural and historical experience in the meaning of a linguistic sign streamlines value-semantic relationships, existing within the boundaries of a particular linguocultural community, and the coordinating mechanisms of the language serve as a kind of "matrix" of the semantization of the knowable space. The process of semantization covers a variety of worlds of human being. As a result of comprehension, they turn out to be included in the broad context of the practical and spiritual development of reality" [3: 67]. This is the essence of cultural codes.

Cultural codes reflect the system of cultural values of the people. They are universal in nature, but have national-cultural features of implementation [3: 68].

Cultural codes are considered as "secondary sign systems that use different material and formal means to encode content that is generally reduced to a picture of the world, to the worldview of a given society" [5: 32]. Cultural and historical experience is encoded using various linguistic signs, which reflect it as a cultural code, containing "information about the values of the linguistic and cultural community, the basic conceptual systems within the general culture code that correspond to mental categories, as well as the structure of these categories and their position in relation to each other and to the surrounding reality as a whole" [5: 32]. It should be emphasized that the cultural code can be expressed not only using verbal means, but also non-verbal signs.

Naturally, the cultural and historical experience of the linguistic and cultural community is diverse, respectively diverse and the varieties of cultural codes represented by linguistic signs of various levels.

So, according to G.A. Bagautdinova, anthropocentric phraseology may contain the following cultural codes:

Anthropomorphic cultural code. This cultural code recreates the image of man as a biological being.

Biomorphic cultural code. This type of cultural code represents images of animals, birds, insects, plants.

Object cultural code. This type of cultural code is used to represent images of household items, buildings, dwellings, its details; clothes; food; substances, metals, minerals, etc.

Animated cultural code. This cultural code displays images of natural phenomena.

Mythological cultural code. The mythological cultural code reflects the images of religiously conditioned representations of man.

Temporal cultural code. This cultural code represents images using temporal vocabulary.

Spatial (geographical) cultural code. This kind of cultural code represents images of space.

Color cultural code. This cultural code reflects the connection of images with the symbolism of color.

A quantitative cultural code. A characteristic feature of this type of cultural code is the representation of images using quantitative units of measurement.

Terminological cultural code. This kind of cultural code represents images using the terms of various branches of knowledge [2: 25].

We believe that distinguished G.A. Bagautdinova, using anthropocentric phraseology as an example, cultural codes of images

can be similarly identified in anthropocentric proverbs, since the cultural code is a concept related to the field of culture, universal, nadlinguistic, but at the same time represented by linguistic, primarily lexical units, and phraseological units, along with words, tokens, proverbs and sayings, riddles, jokes, etc., refer to the lexical units of the language.

The cultural codes of images of anthropocentric proverbs in the Uzbek and Russian languages are presented in all varieties identified by G.A. Bagautdinova. In the course of our thesis, we, based on a study of an axiological study of anthropocentric phraseology G.A. Bagautdinova [2: 46], we study the representation of the anthropomorphic cultural code in anthropocentric proverbs, as this cultural code finds its expression through the names of various parts and organs of the human body.

The anthropomorphic cultural code is also called the somatic, or bodily, code, and it is noted that in the somatic code the symbolic functions of various parts of the body are significant, for example, a person as such can be symbolized by his head: *считать по головам; ну, ты голова!*, плечи: *на ее плечах лежала большая ответственность*, рука: *не хватает рабочих рук; мастер – золотые руки; правая рука; он остался с маленьким ребенком на руках; отдам в хорошие руки; через мои руки проходит вся почта* etc [5: 7].

And *antropomorphic* means a humanoid, similar to a person, commensurate with it. The anthropomorphic cultural code consists in assessing objects and phenomena of the surrounding reality through the prism of human nature, human properties and qualities. For example, in the tourist discourse, the anthropomorphic cultural code is manifested in the personification of objects of the surrounding world and natural phenomena, which are personified, they are endowed with the qualities of a person, the ability to speak: the natural world becomes close to a person similar to him [6]. Calling a man in the German language by the name Max, which has the outdated meaning of “strong man, hero”, the cultural attitudes laid down in the etymology of the name are actualized by such physiological parameters of men as the largest, strongest, strongest [4].

So, the basic image of an anthropomorphic cultural code is man [9]. It is also basic in anthropocentric proverbs. This is the commonality of anthropocentric proverbs and anthropocentric cultural code. Nevertheless, the anthropomorphic cultural code can be represented not only in anthropocentric proverbs, but also in other texts.

In general, in the Uzbek and Russian languages there are many anthropocentric proverbs that enclose an anthropomorphic cultural code as a key to understanding the worldview of the people and their way of life. Such proverbs contain markers -

names of the image of a person and various parts and organs of his body. For example: *Бир кўзликлар элига борсанг, бир кўзингни қисиб юр. Бир калла – калла, икки калла – тилла. Соғлом танда – соғлом ақл. Кўнгли қоранинг юзи қора. Яхши ошини ер, ёмон – бошини. Яхшининг қўли сингунча, ёмоннинг бели синсин; Ножки с подходом, ручки с подносом, сердце с покором, голова с поклоном, язык с приговором. Маленькие дети тяжелы на коленях, а большие – на сердце. Заушиный языком не слизнешь. Пока сердце не заболит, глаза не плачут. Глаза с поволокой, роток с позевотой. Жену выбирай не глазами, а ушами.* As you can see, the proverbs of the Uzbek and Russian languages, encoding in themselves an anthropomorphic cultural code, reflect the vision of the world by man through the prism of himself as a biological being.

The anthropomorphic cultural code is represented in the studied proverbs of the Uzbek and Russian languages through such anthropomorphic metaphors symbolizing a person as *голова, мозе, волос, лицо, лоб, глаз, нос, ухо, рот, губа, язык, зубы, борода, ус, шея, тело, кость, плечо, рука, локоть, кулак, палец, ноготь, грудь, сердце, спина, живот, нога, колено, пятка*.

Some of the names of parts of the human body in the analyzed proverbs of the Uzbek and Russian languages are represented by synonyms. For example, in the Uzbek language:

- **юз – бет:** *Юзи оқнинг, иши тўғри. Юзинг қора бўлса, ойнадан ўпкалама. – Бетга чопар кимга ёқар. Бетинг қийшиқ бўлса, ойнадан ўпкалама;*

- **пешона – манглай:** *Пешонаси шўр – тақдирингдан кўр. Камбағалнинг пули – пешона тери. – Манглай теринг билан топилган нон танинга ҳалол. Дехқон хирмони тўлгунча, манглай тери дарё бўлур;*

- **кўз – гавҳар:** *Кўз – тарози, кўнгли қози. Ёмон кўз – тош ёради. Ўғрининг ўзи битта, кўзи – юзта. Қулоқдан кўз ҳақ. – Гавҳаринг юзинг кўрки. Кўз гавҳари – ҳаёт нури;*

- **бош – калла:** *Бош омон бўлса, дўппи топилади. Бошинга қилич келса ҳам, тўғри гапир. – Саллани ол деса, каллани олади. Аҳмоқ калла оёқ оғритар; и т.п.*

In russian language:

- **лицо – рыло:** *Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто на дело гож. Не спрашивай здоровья, гляди в лицо. Скромность всякому к лицу. – Куда нам – с посконным рылом да в суконный ряд!*

- **лоб – чело:** *Живот толстой, да лоб пустой. Заставь дурака богу молиться, он и лоб разобьет. Лоб что лопата, да ума небогато. – Бей челом ниже: до неба высоко, до лица земля ближе;*

- **глаза – очи:** *У глупого умный – как бельмо на глазу. Не тот друг, кто медом мажет, а тот, кто правду в глаза скажет. Не тот тебе друг, кто в глаза льстит, но тот тебе друг, кто заочно добро творит. – Не годится в неправде язык шевелить, чтобы в очи хвалить, а за очи хулить. Не хвали в очи, не хули за глаза. Пока солнышко взойдет, роса очи выест;*

- **живот – брюхо:** *Живот – не нитки: надорвешь – не подвяжешь. Живот да головка – всегда у ленивых отговорка. Горох да репа – животу не укрепа. – Сытое брюхо к ученью глухо. Блин не клин, брюха не расколет. Брюхо болит: на краюху глядит;* etc.

Anthropocentric proverbs of the Uzbek and Russian languages reflect in themselves through images the worldview of the people, for example, as G.A. Bagautdinova notes, “Images are a reflection of the way of seeing and can be defined in the framework of cultural codes” [2: 25].

The image of a person who, according to V.N. Solovar and E.S. Moldanova is the “core of every national culture, its value system”, which is the “result of the accumulation of all knowledge and experience” of the people in the entire history of the development of its culture: “Each person has a certain set of moral qualities that are most valued; opposite features are condemned in numerous units of nomination” [8: 33]. The image of a person in anthropocentric proverbs, therefore, undergoes evaluative comprehension.

The estimated value in anthropocentric proverbs can already be incorporated in the very nomination of a person. It should be noted that the system of naming a person in the studied proverbs of the Uzbek and Russian languages is very colorful and multifaceted, just as colorful and multifaceted man himself.

In the anthropocentric proverbs, the invariant form of the name of a person is the Uzbek language (singular or plural) words *odes*, *kishi*, and in Russian - a *person* (s).

RESULTS AND DISCUSSION

The existing variety of human names in the anthropocentric proverbs of the languages studied is determined by the fact that they present the characteristics of a person from different angles, for example, in terms of gender, age, social status, mental abilities, character traits, etc.

One of the ways to nominate a person in anthropocentric proverbs of the Uzbek and Russian languages is the use of personal names. It should be noted that the use of personal names as a way of nominating a person is most characteristic of the proverbs of the Russian language, in which full / incomplete, derivative / abbreviated, diminutive and abundant forms are abundant.

Most of the personal names represented in the anthropocentric proverbs of the Uzbek and Russian languages are mythological and religious nominations of a person. For example, in the Uzbek language: *Алихўжа, Хўжаали, Абдукарим, Исо, Мусо, Сулаймон, Хизир, Азроил, Ҳасан, Ҳотам, Фозил, Шониёз*; в русском языке: *Абрам, Абросим, Аввакум/Аввакум, Авдей, Авель, Аверкий, Аверьян, Авессалом, Авирон, Ависана, Авксентей, Авраам/Аврам, Агабит, Агара, Агафон/Агафонник, Агей, Аграфена, Агрипина, Адам, Аер, Азарий, Акиндин, Аксен, Аксинья, Акундин, Александр, Алексей, Андел, Андозера, Андрей/Андреян, Анкудин, Антон, Арсений, Артемида, Артемий, Афанасий, Ваалам, Вавила, Варвара, Василий, Галина, Георгий, Герасим, Григорий, Денис, Дмитрий, Евдокия, Елена, Емелий, Игнатий, Ипатий, Ирод, Исак, Каин, Карп, Екатерина, Кипрей, Кирилл, Ксения, Леонтий, Макар, Макарья, Мария, Мирон, Митрофан, Моисей, Назар, Никита, Панкратий, Пантелей, Пахомий, Петр, София, Тимофей, Труфангора, Фалалей, Федор, Федос, Федот, Филат, Филипп, Харитон* and many others.

It is easy to determine that a person's names, which are mythological and religious nominations of a person, are borrowed in the Uzbek language mainly from Arabic and Persian, and in Russian mainly from Greek or Latin. This is due to the dominant spread of Muslim religion in Central Asia, and Christianity in Russia.

In the process of phonetic-grammatical mastery of many names in the Russian language, variants have formed that are recorded in the proverbs we are studying: *Абакум – Аввакум; Абрам – Аврам, Авраам, Авраамий; Абросим – Амвросий, Абрасим; Аверьян – Аверкий; Авксентий – Аксентий, Аксен; Агапий – Агап; Афанасий – Афанас, Афонас, Апанас; Давид – Давыд; Егорий – Егор, Егорь; Иоанн – Иван; Кирила – Кирило; Макешь – Мокошь; Михаил – Михайло; Панкратий – Панкрат; Сара – Сарра; Семион – Семен; Симеон – Симон – Симан; Фаддей – Фадей; Филипп – Филип.*

However, along with mythological and religious names, there are also common names used

by commoners, for example, in the Uzbek language: *Аёз, Қўчқор, Али, Вали, Тешабой, Болтабой, Тошпўлат, Эшпўлат, Дехқонбобо, Ҳатамтой, Ражаб, Хулкар* и др.; в русском языке: *Аника, Антип, Глеб, Елисей, Кузьма, Леонтий, Архип, Василий, Агафья, Аксинья* etc.

In the anthropocentric proverbs of the Russian language, the names of prominent personalities are also reflected: thinkers, politicians, generals, writers, poets, etc.: *Платон, Бонапарт, Сусанин, Суворов, Пушкин, Ленин, Гитлер, Чкалов*.

It should be noted that the Russian language proverbs represent anthropocentric peculiar use of truncated, spoken and diminutive forms of the names: *Ағния – Ағаша, Ағашка, Аника; Акулина – Акуля, Акулька; Алена – Аленка, Аленушка; Александр – Сашка; Алексей – Алеха, Алеша; Андрей – Андрюха; Арина – Аринушка; Афанасий – Афонька, Афонюшка, Афоня; Богдан – Богданушка, Богдашка; Варвара – Варюха, Варюшка; Иван – Ваня, Ванька; Василий – Василек, Васька, Васючка; Владимир – Володя; Гаврила – Гаврилко; Галина – Галя; Герасим – Гаранька; Григорий – Гришка; Дарья – Даша; Демьян – Дема; Евдокия – Евдошка; Егорий – Егорка; Елина – Елинка; Еремей – Ерёма, Еремка, Ерёмушка, Ероха, Ерошка; Иван – Иванушка, Ивашка; Игнатий – Игнашка; Игорь – Игошка; Илья – Ильюшка, Иляточка; Исая – Исайка; Кирил – Кирюшка; Козьма – Козанька; Константи́н – Костя; Левон – Левка; Лукерья – Луканька; Маланья – Малашка; Марина – Маринушка, Маруша, Манюшка; Марфа – Марфуша; Мария – Машка; Микола – Микушка; Мирон – Мирока; Михаил – Миша, Мишка; Анастасия – Настя; Наталья – Наташа, Натаха; Нестор – Нестерка; Никита – Никитка, Никеша; Окулина – Окуля, Окся; Олена – Оленка; Павел – Пава, Пашка, Пашенька; Прасковья – Парашка; Савелий – Савка, Саврасуха; Семен – Сенька, Сенушка; Степан – Степка; Тимофей – Тимошка; Трофим – Трошка; Улита – Улька; Фаддей – Фадя; Фалалей – Фаля; Федор – Федорка, Федорно, Федорушка; Федос – Федоска; Федот – Федотка, Федудь, Федька, Федюшка, Федя; Фекла – Феня; Филат – Филатка; Филипп – Филиппушка, Филька, Филя; Фома – Фомушка, Фонушка; Яков – Яшка; etc.*

In addition, in the proverbs of the Russian language the analyzed group can observe the use of names and surnames: *Андронов, Дзюндя, Доброходов, Ефремихин, Ефремов, Зырянин,*

Иванов, Манухов, Минин, Харитин, Никонец, Петров, Суеслов, Шуйский, Яковец, Иванович, Иваныч, Кудрявич, Лазаревич, Фомич, Андреевна, Ивановна, Кузьминична, Мосевна, Карилловна, Федосьевна etc.

In anthropocentric proverbs of the Russian language, the use of personal names as common nouns is also observed, in a collective sense: *адамы (Адам), андроны (Андрон), артамоны (Артамон)*.

It must be emphasized that each personal name functioning in the anthropocentric proverbs of the Uzbek and Russian languages performs certain functions, the main of which is to display the standard characteristics of the name bearer (physiological data, behavior, actions, heroism / betrayal, etc.), for whom this name was fixed and glorified.

Along with personal names in anthropocentric proverbs of the Uzbek and Russian languages, common names of a person are widely used, which convey various figurative and evaluative meanings and give an assessment to a person in different forms.

Outside view of man and his physiological state is estimated at anthropocentric proverbs such names as in Uzbek: *япалоқ, кал, кар, кўр, чўлоқ, нуноқ, семиз, нор, ўлик, пес, яроқли, кўса, букри, оқсоқ, соқов, сўқир, пасмонда, оғиз, соғ, бемор, касал, дардсиз, оҳангсиз, мохов, тирик, кучли, билаги алп, полвон, тўқ, оч, оч киши, ташна, қўтир, тишли, кўзсиз, алп, чопқир, дароз, ўлармон, йўгон, холли, пардозли, сулув, гўзал, чиройли, ишкамба; в русском языке; плоский, сплюснутый, сплющенный, лысый, лысина, плешь, плешивый, глухой, слепой, слепец, хромой, калека, инвалид, неумелый, неспособный, неумелость, неспособность, толстый, полный, тучный, жирный, упитанный, родинка, родимое пятно, мертвец, труп, мертвый, неживой, отвратительный, мерзкий, годный, пригодный, трудоспособный, безбородый, горбатый, сутулый, горбун, согнутый, изогнутый, хромой, немой, косноязычный, заика, немота, слепой, неряшливый, неряха, грязнуля, нечистоплотный, грязный, запачканный, рот, уста, зев, пасть, здоровый, больной, хворый, болезненный, нездоровый, беспечный, беззаботный, беззвучный, прокаженный, живой, сильный, мощный, могучий, неотразимый, борец, силач, богатырь, состоятельный, сытый, зажиточный, голодный, жаждущий, чесотка, чесоточный, имеющий зуб, зубчатый, слепой, безглазый, богатырь, витязь,*

быстрый, быстроногий, резвый, высокий, рослый, долговязый, длинный, жадный, ненасытный, толстый, полный, имеющий родинку, с родинкой, красивый, миловидный, прекрасный, прелестный, толстый.

As can be seen from the list, when assessing the appearance and physiological state of a person, attention is drawn to his external (*сулув, гўзал, чиройли; красивый, миловидный, прекрасный, прелестный*); physiological data (*семиз, дароз, кучли, билаги алп, полвон; толстый, полный, тучный, жирный, упитанный, высокий, рослый, длинный, долговязый, сильный, мощный, могучий, борец, силач, богатырь*); state of health (*соғ, бемор, касал; здоровый, больной, хворый, нездоровый, болезненный*); body defects (*кал, кар, кўр, чўлок; плешиный, лысый, плешь, лысина, глухой, слепой, слепец, хромой, калека*), as well as for fullness / hunger (*тўқ, оч, оч киши, ташна; сытый, состоятельный, зажиточный, голодный, жаждущий*).

In addition, when a person is nominated in anthropocentric proverbs of the Uzbek and Russian languages, attention is paid to age-related features, in connection with which such names of a person as: *кампир, чол, бола, бачча, жувон, қари, пари, қария, ёш, катта, кичик, қари қиз; баба, бабенка, бабка, бабняк, бабуся, дед, дедко, дедушка, стар, старик, старец, детенок, дети, детки, детина, детинец, детишки, детище, детка, деточка, дитё, дитя, детеныш, детвора, ребенок, мальчик, женщина, стар, старик, старец, пожилой, старый, старина, старичок, пери, фея, муза, молодой, молодец, молодёжь, старший, старшой, младший, малый, малолетний, маленький, млад, младой, младый, меньшей, меньший, дева.*

The characteristics of a person by gender are reflected in anthropocentric proverbs of the Uzbek and Russian languages in the following names of a person: in the Uzbek language: *йигит, қиз, хотин-қиз, аёл, эркак, санам, ножинс, жонона, ўғлон*; in Russian: *юноша, юнец, юный, девица, девка, девочка, девушка, девчина, женщина, жена, баба, мужчина, муж, муженёк, мужик, мужик-горюн, мужилка, мужичишко, мужичок, красавица, бесполоый, возлюбленная, милая, любимая, мальчик, мальчуган, сын, сынище, сынок, сыночек, молодец.*

The nationality of a person is taken into account in the proverbs of the analyzed group by means of names like *ўзбек, араб, лўли, ҳинди, саҳройи* в узбекском языке и *узбек, араб, цыган, чуваш, индиец, кочевник, степняк, степной, деревенщина* in Russian. The use of

the names of the indicated nationalities as a person's name is explained by the historical past of the peoples, their political, economic and cultural ties.

Among the human names in the analyzed proverbs, the groups in which the person is nominated on the basis of the type of activity, character traits, behavior and behavior are especially distinguished.

In anthropocentric proverbs of the Uzbek and Russian languages, a number of names stand out that describe a person by the nature of his activity. For example, in the Uzbek language: *амир, ароқхўр, баковул, бахши, баққол, бек, беҳунар, бойхўжа, бождор, болтачи, босқончи, бошлиқ, боғбон, бўёқчи, бўзчи, гўрков, даллол, дарвеш, деҳқон, довчи, дорбоз, дуторчи, жодугар, заргар, игначи, имом, ишчи, карнайчи, кинначи, кинчи, кир ювгич, кончи, косиб, кулол, куф-суфчи, кўмирчи, лапарчи, лашкар, маддох, мерган, минебоши, мироб, мисгар, морбоз, мулла, мурдашўй, мўйнадўз, навкар, нонвой, нотик, овчи, олим, ол-олчи, оломончи, орачи, ошпаз, пазанда, пир, подачи, подшо, пошишо, подшоҳ, пойгаачи, раҳбар, ромчи, савдогар, сайроқчи, салмоқчи, сарбон, синчи, сипоҳи, сипоҳ, сотувчи, султон, соҳибкор, сурнайчи, сўзловчи, сўзчи, табиб, тақлидчи, тегирмончи, тезакчи, темирчи, тешмачи, тикувчи, тингловчи, тиланчи, тождор, тўғрамчи, ултон, уста, устоз, хожа, хон, хоқон, хўжа, филбон, фолбин, шайх, ширафуруш, шогирд, чақимчи, чевар, чилангар, чорвадор, чўпон, чўри, эгачи, элчи, эмчи, этикдўз, эшикчи, эшмачи, эшон, юзбоши, яламачи, ясовул, кўшиқчи, ҳоким, хунарли, хунарманд, хунарсиз, қароқчи, қассоб, қиморбоз, қози, қотил, томчи, кул, кўшчи, қоровул, ўйинчи, ўланчи, ўмарончи, ўровул, ўроқчи, ўтинчи, ўғри.*

In Russian: *эмир, повелитель, правитель, военачальник, главнокомандующий, алкаш, пьяница, повар, кухмистер, бахши, сказитель, народный певец, бакалейщик, торговец, бек, правитель, неумелый, не имеющий ремесла, ходжа, собирающий пошлину и налоги, молотобоец, начальник, глава, предводитель, руководитель, садовник, садовод, красильщик, маляр, ткач, могильщик, маклер, посредник, дервиш, отшельник, дехканин, крестьянин, земледелец, канатоходец, эквилибрист, дутарист, колдун, волшебник, чародей, колдунья, ювелир, имам, духовный наставник, рабочий, работник, трубач, горнист, карнаист, играющий на карнае,*

музыкант, знахарка, заклинательница, прачка, шахтёр, горняк, рудокоп, ремесленник, гончар, угольщик, участник лапара, войско, армия, маддах, стрелок, полководец, мираб, мулла, мусульманский священник, меховщик, телохранитель, ополченец, дружинник, пекарь, оратор, охотник, учёный, повар, кулинар, старец, пастух, падишах, царь, гонщик, наездник, участник скачек, руководитель, предводитель, руководящий, купец, торговец, караванщик, коновал, умеющий выхаживать лошадей, служилый, чиновник, должностное лицо, солдат, воин, продавец, султан, повелитель, умелец, специалист, сурнаист, играющий на сурнае, рассказчик, сплетник, болтун, говорун, лекарь, врач, подражатель, мельник, кузнец, портной, портниха, швей, швея, швейник, слушатель, нищий, попрошайка, венценосец, бедный, мастер, умелец, умелый, искусный, учитель, наставник, ходжа, хан, каган, император, владыка, хозяин, погонщик слонов, ворожея, гадалка, шейх, духовный наставник, ученик, подмастерье, клеветник, ябедник, доносчик, швея, портниха, вышивательница, слесарь, скотовод, пастух, чабан, служанка, прислуга, рабыня, невольница, сестра, посланник, посол, сапожник, ишан, должность сотника, есаул, всадник, песенник, певец, мэр, правитель области, искусный, умелый, ремесленник, неумелый, не имеющий ремесла, разбойник, мясник, игрок, играющий в азартные игры, судья, убийца, капля, невольник, раб, пахарь, охранник, сторож, караульщик, танцор, танцовщица, игрок, певец, исполнитель улана, жнец, косарь, дровосек, вор.

It is noteworthy that this group contains indications of the names of modern and obsolete crafts and professions, as well as the rank, status, as well as presence / absence of work, employment / idleness, and human addictions.

The names of a person denoting his character, qualities and properties make up a large group in anthropocentric proverbs of the Uzbek and Russian languages. The Uzbek proverbs and include token type *яхши, зўр, сахий, бахил, тўғри, бир сўзли, чечан, дили пок, дили тўғри, ҳайрихоҳ, тили ширин, мард, жўмард, кўрқмас, асл, ишсевар, меҳнаткаш, тиришқоқ, абжир, ғайратли, меҳрли, содда, ростгўй, вафоли, камтар, вафодор, сахий, зўр, жасур, ҳаёли, орли, номусли, пардали, тамизли, ботир, ҳур, умидли, уятли, жаҳлсиз, танти, бетаъма, эпли, эпчил, чийирли, ақли теран, ақлли, ақлдор, доно, нодон, фозил, илмли,*

билимли, ориф, оқил, зийрак, донишманд, билимтой, соғ, бардошли, сабрли, тоқатли, пухта, чечан, ғолиб, таваккалчи, ўйловчи. Such names of a person contain a positive assessment of his character, qualities and abilities.

Along with the positive characteristics of human qualities, character and abilities in the anthropocentric proverbs of the Uzbek language, a number of names are used according to the studied parameter, which serve to express a negative assessment of a person. For example: *мақтанчоқ, манман, бесабр, маҳмадана, писмиқ, пишиқ, ўр, телба, анқов, девона, гўл, вайсақи, жоҳил, кўрқоқ, бибурд, сатанг, бесалом, жаҳлли, сўзамол, илмсиз, билимсиз, номард, кўпол, чаласавод, шаллақи, шарманда, кезма, эзма, ақлсиз, беақл, худобезори, ғайратсиз, ишқмас, ялқов, эринчоқ, аҳмоқ, тентак, ношукур, дангаса, текинхўр, ювош, анқов, ошхўр, нонхўр, лақай, ношуд, эпсиз, сабрсиз, бесабр, жинни, чаққон, бепарво, муғомбир, қолоқ, текин томоқ, беодоб, беобрў, беномус, бешарм, беҳаё, безбет, орсиз, беобрў, танбал, уялмас, уятсиз, шалтоқ, шилқим, гапчил, мумсик, зикна, сурбет, мечкай, очкўз, тамагир, бойтеват, сувсоқ, пасманда, гумондор, писмиқ, писмиқи, югурик, бетамиз, бефаҳм, қулоқсиз, фаросатсиз, эсар, эси паст, беўйлов, ғалча, аламзада, эринчоқ, кўнгилчак, эринчак, кўнмас, маҳмадана, ҳаёсиз, вафосиз, нодон, ёлғончи, ноумид, олифта, танноз, зиёндон, аразчи, дўнон, беқаноат, танимас, қилиқсиз, азадор, қизғанчиқ, шошма, тузсиз, бандахос, ҳоримтой, муғамбир, ноқобил, эгри, емон, иғвогар, ғийбатчи, ноинсоф, фирибгар, манман, қаллоб, ўзи совуқ, сўзи совуқ, зиёнкўр, виждонсиз, имонсиз, порахўр, ақли калта, ҳаромхўр, аблаҳ, ифлос, ғаламис, нокас, ҳасадчи, ғар, тулпак, кўнгли ёмон, юриши ёмон, айби бор, йўли бузуқ, дили қинғир, нокас, бахил, золим, хоин, юлғич, нопок, тили нопок, ўйи бузуқ, аллоп, ялмоғиз, золим, қонхўр, мараз, ўлармон, хасис, қаллоб, пасткаш, димоғдор, лаганбардор, хушомадаўй, жаллоб, чақмачоқ, қурумсоқ, очофат, сўзи нодуруст, таёғи йўғон, сўзи йўғон, сир олувчи, бўлувчи, номард, банги, муттаҳам.*

In Russian proverbs, the qualities of a person's character are described by the following names: *безграмотный, бестолковый, бешенный, бойкий, брезгливый, верный, веселый, глупый, грешный, добродетельный, докучливый, достойный, жалкий, жесткий, завистливый, задорливый, запасливый, злой, лживый, лицемер, лукавый,*

льстивый, любопытный, малодушный, милостив, мудрый, мучитель, неблагодарный, небрезгливый, неверный, невинный, неграмотный, недобрый, недовольный, недостойный, нездоровый, некорыстен, немилостливый, немилый, немощный, немудрый, ненавидящий, ненасытный, непоседа, непотребный, несчастный, неумелый, обманщик, плут, плутоватый, правдивый, правдолюб, правдолюбивый, премудр, премудрый, проворливый, прожорливый, противный, работающий, разумный, распутный, самолюб, самолюбец, сбойливый, сильный, сирота, скупец, скупой, слезливый, слепец, слепой, смелый, смиренный, смирный, смышлёный, совестливый, сребролюбец, стыдливый, суетливый, суровый, торгош, тороватый, торопливый, убогий, угличанин, угодливый, угодник, удалой, удаляющийся, указчик, умница, умный, упорный, упрямый, уралец, уродец, уродливый, утопающий, хам, хвалящий, хвастливый, хвастун, хитрец, хитрый, храбрец, храбруша, храбрый, чистоплюйка, шельма, шут, юридивый, ябедник. When characterizing the qualities and properties of a person, his kindness, mental abilities, attitude to work, shame, devotion, greed, lust, etc. are described.

Relevant in the anthropocentric proverbs of the studied languages are the names of people, indicating kinship. For example, in the Uzbek language: қариндош, қардош, уруғ, уруғ-аймоқ, хеш, туғишган, туғишмаган, бобо, ота, ўгай ота, она, эна, фарзанд, отадош, отали, онали, отасиз, ўғил, қиз, отаси бошқа, кундошбачча, оғали, оғасиз, оға, ака, ука, сингил, опа-сингил, неварра, амаки, тоға, амма, хола, жиян, уни, келин, келинчак, ичкуёв, куёв, почча, янга, божа, овсин, овсин-ажин, овсин, эгачи-сингил, эр боласи, ийа, эгиз, етим, есир, етим қиз, етим бола, етим йигит, етимча, ҳароми, ҳаромзода, ҳарамзада, қуда, қайни, қайнота, қайнона, қайнсингил, қайнэгачи; русском языке: родственник, родич, родня, родной, брат, приятель, дружище, род, племя, сородичи, дед, дедушка, прадед, дедуля, отец, родитель, мать, мама, мамаша, мамашка, маменька, мамка, мамонька, бабка, бабушка, дитя, дитё, ребёнок, сын, имеющий отца, мальчик, сын, дочь, дочка, девочка, девушка, девица, девка, отчим, дитя соперницы, брат, братец, братишка, сестра, сёстры, внук, дядя, дяденька, тётя, тётка, тётенька, тётушка, племянник, племянница, братец, невеста, невестка,

сноха, невестушка, зять, живущий в доме у тещи, жених, женишок, деверь, зять, сваха, свояк, невестка, сестрица, ребёнок мужа, двойня, близнец, двойняшки, сирота, сиротка, ублюдок, незаконнорождённый, плут, подлец, сват, сватья, младший брат жены или мужа, тещь, свёкор, тётца, свекровь, золовка, свояченица.

Marital relations are especially noted in anthropocentric proverbs, while marriage / love relationships, the presence / absence of children, married / unmarried, are noted if one of the spouses is not alive. For example, in the Uzbek language: эр, ёр, хотин, бека, ошиқ, маъшук, ўйнаш, кундош, тўйли, тўйсиз, болалилар, боласизлар, бўйдоқ, бева; в русском языке: муж, супруг, мужчина, любимый, возлюбленный, жена, супруга, женщина, баба, хозяйка, влюблённый, любимый, возлюбленный, любовник, любовница, справляющий свадьбу, имеющие детей, многодетные, бездетные, не имеющие детей, холостой, холостяк, неженатый, вдова, вдовец.

A person's nomination in the anthropocentric proverbs of the studied languages can express a characteristic of a person's social status and relationships with other members of society. For example, in the Uzbek language: эга, дўст, душман, ёв, биродар, қўшни, ошина, қўноқ, даъвогар, жавобгар, гумондор, мусулмон, пайғамбар, олувчи, ёт, ўзга, бегона, элдош, улфат, қурдош, сирдош, қўлдош, ўртоқ, кофир, мезбон, меҳмон, қўноқ, ҳамсоя, бегона, шерик, кайвони, оғайни, таниш, кадрдон, харидор, касбдош, совчи, эга, бекенгаш, мусофир, ҳаммол, тутинган, овулдош, фуқаро, мижоз, ҳамроҳ, етакчи, кафил, йўлдош, йўл ўғриси, йўлчи, йўловчи, бузғунчи, таги паст, авлиё, тавбачи, бош, ишбоши, азиз, отин, ҳангамачи, дангамачи, ҳашарчи, мурид, таниш, чувринди, ўзга, ҳазилкаш, бекорчи, безори, бер-берчи, иши йўқ, иши бор, ишлик, ишсиз, хўп-хўпчи, туҳматчи; в русском языке: хозяин, владелец, обладатель, друг, товарищ, приятель, враг, неприятель, противник, недруг, брат, приятель, товарищ, сосед, соседка, друг, знакомый, гость, истец, претендент, ответчик, ответственный, подозревающий, мусульманин, пророк, получатель, отчуждённый, чужой, посторонний, иной, другой, друг, приятель, собеседник, ровесник, сверстник, единомышленник, закадычный друг, верный помощник, сотоварищ, товарищ, подруга, подруга, приятельница, неверный,

нечестивый, богоотступник, хозяин, гость, гостья, сосед, чужой, посторонний, партнёр, сообщник, соучастник, коллега, друг, приятель, знакомый, близкий, дорогой, покупатель, закупщик, коллега, сват, сваха, хозяин, владелец, обладатель, приезжий, чужестранец, путник, странник, носильщик, грузчик, земляк, гражданин, житель, клиент, покупатель, спутник, попутчик, ведущий, руководящий, руководитель, поручитель, гарант, заверитель, путник, прохожий, пассажир, смутьян, склочник, подстрекатель, святой, чудотворец, глава, главный, первый, руководитель, дорогой, милый, любимый, уважаемый, драгоценный, ценный, редкостный, почитаемый, учительница, женщина, участник хашара, мюрид, последователь, знакомый, приятель, оборванец, чужой, посторонний, шутник, бездельник, хулиган, безработный, имеющий работу, без работы, не имеющий работы, клеветник.

When a person is socially characterized, the basis for the nomination is such indicators as friendship, neighborhood, work, especially business, religion, etc.

Place of residence, tribal names can also be the basis for the name of a person. This phenomenon is more evident in Russian proverbs, for example: *агаряне*.

Another parameter of the person's nomination in the analyzed proverbs is the person's financial condition. For example, in the Uzbek language: *йўқ, бор, камбағал, бой, беқўним, гадо, гадой, арбали, пиёда, йўрғали, бойвачча, камонсиз, эшакли, сепли, сепсиз, яланғоч, ғариб, отлиқ, туяли, ворис, боқим, ялангоёқ, кемали, қайиқли, молсиз киши, қарздор, пули бор, пули йўқ, отли, туяли, ғариб, молсиз, юксиз, нонсиз, зарул, нозарул, иштонсиз, кулчали, оқчали, оқчасиз, тўнли, фақир, фақир киши, тўкин, бедавлат, молли, ичи қалтироқ, бечора, сирти ялтироқ*; в русском языке: *нет, не имеется, не существует, есть, имеется, существует, бедняк, бедный, неимущий, малоимущий, необеспеченный, богач, бай, богатый, зажиточный, нищий, попрошайка, пеший, пешка, пешком, байский сын, без лука, обладающая приданым, бесприданница, обнаженный, голый, нагой, оголённый, раздетый, одинокий, бесприютный, безродный, бесприютный, всадник, конный, наследник, присмотр, уход, иждивение, босиком, босой, босоногий, босаяк, оборванец, корабельщик, подочник, должник, с деньгами, без денег, всадник, конный, бестоварный,*

належке, бесхлебный, необходимый, нужный, ненужный, бедный, неимущий, нищий, бедняк, обильный, изобильный, богатый, без имущества, бедный, неимущий, нуждающийся, бедняк, блестящий.

In general, the names of a person by his financial condition, on the one hand, reflect the presence / absence of money capital, i.e. Poverty or wealth, on the other hand, indicates what is a measure of wealth, and how it is valued.

In anthropocentric proverbs of the Uzbek and Russian languages, the name of a person can indicate the number of people. Their quantitative characteristic can be expressed by numerals (quantitative serial, a collective) as well as the pronouns, and adverbs in some cases - nouns and adjectives denoting quantitative object parameters. Compare in Uzbek: *бир, икки, етти, биров, икков, учов, бешов, олтов, тўртовлон, еттовлон, олтовлон, бари, бариси, кўп, кўпчилик*; в русском языке: *один, два, семь, семеро, оба, двое, вдвоём, трое, втроём, пятеро, впятером, шестеро, вшестером, четверо, вчетвером, семеро, всемером, весь, все, всё, вся, много, обильно, значительно, многочисленный, обильный, значительный, большинство, много, масса, толпа.*

In addition, names of a generalizing and collective nature such as *xalq, yurt, el, vatan, hamma* in the Uzbek language and *народ, публика, народность, страна, край, родина, племя, род, отечество, отчизна, все, всё, весь* in Russian.

In addition to the indicated methods of nominating a person in the anthropocentric proverbs of the analyzed languages, a descriptive method is widely used, which occurs when characterizing a person according to all the parameters discussed above. Compare: *тили узун, тили калта, қўли калта, ясанган, кезанган, ўқиган, ўқимаган, уққан, севган, севмаган, суйган, эринмаган, ўлмаган, қочган, қувган, дўсти оз, дўсти кўп, дўсти нодон, замони бошқа, фикри равшан, сўзи равшан, отаси бошқа, хунари бор, илми бор, илми йўқ, иймони йўқ, билиги йўқ, пилиги йўқ, турқи бузуқ, хулқи бузуқ, берарман, оларман, уқуви бор, уқуви йўқ, меҳри бор, бахти бор, аҳди бор, лаънат ёғдирувчи, раҳмат эшиттирувчи, аҳди бор, аҳд қилган, излаган, из қувган, интилган, ўйлаган, ишлаган, ишламаган, билган, гап урган, довни енгган, ёвни енгган, билган, билмаган, уялган, буюрган, кийган, минган*; in Russian: *с длинным языком, с коротким языком, грамотный, образованный, учёный, необразованный, любимый, нелюбимый,*

немертвый, сбежавший, преследуемый, другое время, ясный ум, имеющий ремесло, имеющий знания, необразованный, неверующий, незнающий, без фетиля (без запала), с неприятной физиономией, с плохим поведением, отдам, возьму, опытный, неопытный, страдающий, счастливый, соглашенный, проклинающий, благодарный, условленный, заключенный, ищущий, преследующий, преследуемый, обдуманый, работавший, не работавший, знавший, говоривший, преодолевший, победивший, не знавший, пристыженный, приказавший, одетый.

In general, it should be noted that the names of people used in anthropocentric proverbs of the Uzbek and Russian languages have a rich figurative basis and contain huge information of linguocultural character that allows us to judge the value priorities of the Uzbek and Russian peoples, which is due to the reflection of various cultural codes in the units we analyzed.

CONCLUSION

As a result of our investigation, the following inferences can be drawn:

1. The estimated understanding of a person in anthropocentric proverbs of the Uzbek and Russian languages is expressed by various names of a person.

2. The person's names in the anthropocentric proverbs of the studied languages model his characterization by such parameters as external (physical) and internal (moral and spiritual) qualities, occupation, social and marital status, gender, age, family ties, etc.

3. Nomination of a person with the help of personal names is more characteristic for proverbs of the Russian language, which is predetermined by the use of both full and derivative, abbreviated, diminutive and affectionate names. Personal names in anthropocentric proverbs are mainly mythological and religious nominations of a person, borrowed in the Uzbek language mainly from Arabic and Persian, and in Russian from Greek or Latin.

4. Each personal name functioning in the anthropocentric proverbs of the Uzbek and Russian languages performs certain functions, the main of which is the characterization of a person by the properties of the famous name of the owner.

5. Names of a common noun in the anthropocentric proverbs of the languages studied express various figurative and evaluative meanings.

6. The names of people in the anthropocentric proverbs of the Uzbek and Russian languages have a rich figurative basis and contain huge information of linguocultural character that allows us to judge the value priorities of the Uzbek

and Russian peoples, which is determined by the reflection in the proverbs of various cultural codes.

7. Cultural codes in the anthropocentric proverbs of the studied languages represent a cultural category, the implementation of which is carried out using a combination of means of nominating a person determined by the historical and cultural period.

8. The cultural and historical experience of the linguistic and cultural community, designed to facilitate the spiritual and practical development by an individual of reality, diverse, respectively diverse and varied cultural codes represented by human names in anthropocentric proverbs.

9. The commonality of the anthropocentric proverbs of the Uzbek and Russian languages and the anthropocentric cultural code is that the basic image in both cases is a person. Nevertheless, the anthropomorphic cultural code can be represented not only in anthropocentric proverbs, but also in other texts.

10. In general, in the Uzbek and Russian languages there are many anthropocentric proverbs that contain an anthropomorphic cultural code as a key to understanding the worldview of the people and their way of life. Such proverbs contain markers - names of the image of a person and various parts and organs of his body, which predetermine the vision of the world by a person through the prism of himself as a biological being.

REFERENCES

1. Avanesova G.A., Kuptsova I.A. *Codes of culture: understanding of the essence, a functional role in cultural practice.* // *In the world of science and art: issues of philology, art history and cultural studies: Mater. XLVII Internat. scientific. - Scient. Conf., No. 4 (47).* - Novosibirsk: Sibak, 2015.- S. 36.
2. Bagautdinova G.A. *Man in phraseology: anthropocentric and axiological aspects: Abstract. d ISS ... Doctor. filol. sciences.* - Kazan, 2007.- 46 p.
3. Gerasimenko I.E. *Cultural codes of gender representations (according to a survey of students of Tula universities).* // *Scientific reports of Belgorod State University. Series: "Philosophy. Sociology. Right". - Belgorod, 2016. - Issue. 36, No. 10 (231).* - S. 67.
4. Gerasimenko I.E. *Cultural codes of gender representations (according to a survey of students of Tula universities).* // *Scientific reports of Belgorod State University. Series: "Philosophy. Sociology. Right". - Belgorod, 2016. - Issue. 36, No. 10 (231).* - S. 68.
5. Gudkova O.A. *Quasi-reference nominations in the gender vocabulary of German speakers: Diss. ... cand. filol. sciences.* - Tula, 2008.- 260 s.
6. Ivanova S.V. *Political Discourse and Cultural Coding: Detonation of Cultural Codes (based on US Political Discourse).* // *Political linguistics. - Yekaterinburg, 2011. - No. 2. - S. 32.*

7. *Krasnykh V.V. Codes and cultural standards (invitation to talk). // Language, consciousness, communication: Sat. articles. - M.: MAKS Press, 2001. - Issue. 19. - S. 7.*
8. *Pimenova Z.P. Cultural codes in tourist tourism discourse. - http://www.rusnauka.com/11_NPE_2013/Philologia/7_134053.doc.htm.*
9. *Simbirtseva N.A. "Code of culture" as a cultural category. // Knowledge. Understanding. Skill. - M., 2016. - No. 1. - S. 161.*
10. *Solovar V.N., Moldanova E.S. Nominations of a person by internal parameters (based on the Kazym dialect of the Khanty language). // Bulletin of Ugric studies. - Khanty-Mansiysk, 2011. - No. 3 (6). - S. 33.*
11. *Tokarev V.G. Quasi-standard as a unit of linguistic-cultural level. // Slavistična revija. - Ljubljana, 2015. - No. 63. - S. 289.*